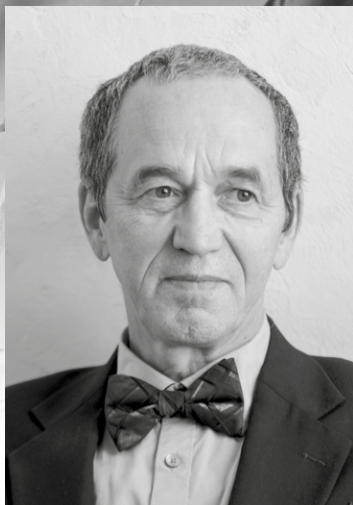

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ: ЭКСПЕДИЦИЯ НА СИХОТЭ-АЛИНЬ

В настоящей публикации представлены отрывки из неопубликованной монографии краеведа, доктора исторических наук А. А. Хисамутдинова «Хроника жизни Арсеньева-Уссурийского», относящиеся к первой экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева на Сихотэ-Алинь (1906 г.). Автор предпринял попытку художественной реконструкции событий того времени, опираясь на документальные источники, прежде всего дневниковые записи В. К. Арсеньева.

Ключевые слова: Арсеньев, краеведение, Уссурийский край, Сихотэ-Алинь, Владивосток, Общество изучения Амурского края.

Keywords: Arsenyev, local history, Ussuri krai, Sikhote-Alin, Vladivostok, Society for the Study of the Amur Territory.

Уже многие годы судьба известного исследователя В. К. Арсеньева волнует его биографов и почитателей его творчества. О жизни Владимира Клавдиевича, его делах и путешествиях сохранилось немало материалов, в прекрасном состоянии находятся архив и личная библиотека путешественника, хранящиеся во Владивостоке, в Обществе изучения Амурского края, но остаётся немало «белых пятен».

Эту книгу можно было бы назвать «Неизвестный Арсеньев». Современный читатель привык думать о нём как о счастливом и удачливом человеке, прожившем интересную, полную приключений жизнь. Он избежал репрессий, скончавшись в собственной постели, и сейчас увековечен в названиях города, аэропорта, улиц, музеев. В своих воспоминаниях Арсеньев написал: «Мне сопутствовала счастливая звезда и целый ряд случайностей, которые тогда казались мелкими и не имеющими значения. Только теперь, отдалившись во времени на несколько десятков лет, эти случаи оказываются как-то логически связанными друг с другом и составляют одно целое, приведшее меня к роли исследователя Уссурийского края».

Это действительно было так. Удачным оказалось решение отправиться на Дальний Восток, предопределившее судьбу молодого офицера. Об этом он рассказывал: «Путеводная звезда, руководившая мною, привела меня в г. Владивосток. Почему не в другой город — Благовещенск, Читу, Николаевск, Никольск-Уссурийский? Результатом этого явилось то, что ни в 1900—1902 годах, ни в 1904—1905 годах я не попал на войны с Китаем и с Японией. Попади я в другую воинскую часть, я, несомненно, участвовал бы в двух войнах на полях Маньчжурии и, может быть, погиб бы так же, как и многие другие, именам которых нет числа... Останься я в Царстве Польском — и из ста девяносто девять шансов было за то, что я погиб бы в войне с Германией или во время революции».

Встреча с Дерсу Узала стала тем счастливым событием, в результате которого родился настоящий писатель. Несмотря на то что период революции и Гражданской войны кажется мало подходящим для исследований, Арсеньев сумел даже в это время продолжить свои поездки, в ходе которых были собраны бесценные материалы. Трудным моментом в жизни бывшего комиссара по иностранным делам Временного правительства В. К. Арсеньева стал 1922 год, когда его однополчане и коллеги решали для себя вопрос об отъезде в эмиграцию. Исследователь же решил «разделить участь со своим народом».

«В 1918 году я мог бы уехать в Америку, а в следующем, 1919 году, — в Новую Гвинею, но я уклонился от того и другого предложения. Я мог уехать совершенно легально, но новые власти в известной степени расценили бы мой поступок как побег. Мне было тогда уже сорок девять лет. Я должен

был бы поставить крест на всю свою исследовательскую работу на Дальнем Востоке и заняться совершенно новым для меня делом среди чужого народа, который в лучшем случае терпел бы меня в своей среде только как бесправного эмигранта. Мои родные, друзья и знакомые находились в бедственном положении, вместо того чтобы помочь им, бежал бы, бросив их на произвол судьбы. Революция для всех — в том числе и для меня! Я не долго раздумывал и быстро решил разделить участь своего народа».

Вскоре некоторые коллеги и друзья превратились в подозреваемых и погибли в сталинских застенках или были вынуждены скитаться по другим странам...

Эта книга писалась многие годы. Порой каждый день дополнялась и исправлялась рукопись, но порой работа откладывалась на многие месяцы. Эти перерывы позволяли по-новому посмотреть на собранное. Было очень много вариантов. Одни опубликованы в виде научных монографий, другие рассказывали о нём через иллюстрации. Эта же книга отличается от них. Автор решил описать его простую жизнь художественно, но это отнюдь не означает, что факты выдуманы. Использована идея трансформации цитат из его дневников, писем и воспоминаний в диалоги. Что из этого получилось, уже судить читателю.

Как началась первая эпохальная экспедиция

Экспедиция на Сихотэ-Алинь началась 15 мая 1906 года, когда часть команды с лошадьми отправилась по железной дороге из Хабаровска до станции Шмаковка. На следующий день выехали и остальные участники. Арсеньев не покидало чудесное настроение: все хлопоты, канцелярские дела и начальство остались позади, впереди — вольная жизнь! Последние дни перед походом были очень беспокойными. Следовало уложить вещи, проверить, не забыто ли что, сделать звонки и написать письма. «Ночью почти не

Отряд В. К. Арсеньева (он — крайний слева), 1906 год.
Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 3).

спишь, — писал Арсеньев. — Тревожит одна и та же мысль: всё ли сделано и всё ли взято».

Под началом Арсеньева в этом путешествии были 16 стрелков и казаков. В помощники ему выделили инженерного подпрапорщика Александра Ивановича Мерзлякова, поручика Григория Григорьевича Гранатмана и хорунжего Семёна Петровича Анофриева. Упоминание о Мерзлякове часто встречается на страницах арсеньевских книг. Невысокого роста, худощавый, он проявлял недюжинную выносливость в походах, а «лес знал, как профессор». К тому же он немного говорил на языках инородцев, что было важно при встречах с коренными обитателями края. Родившись в Ижевске в 1878 году, Мерзляков окончил кондукторскую школу при Главном инженерном управлении и до перевода в Приамурский военный округ служил в Туркестане. С Арсеньевым Мерзляков познакомился вскоре после приезда в 1906 году в Хабаровск.

— Передо мной стоял человек выше среднего роста, с несколько наклоненной головой и острым подбородком, — вспоминал он. — Лицо сухощавое с глубоко впавшими глазами. Был подвижен, с ясно выраженной волевой энергией. Мы поговорили и через некоторое время столкнулись, как старые знакомые. Вскоре состоялся приказ по

войскам Приамурского военного округа об экспедиции, где Владимир Клавдиевич назначался начальником, а я помощником к нему.

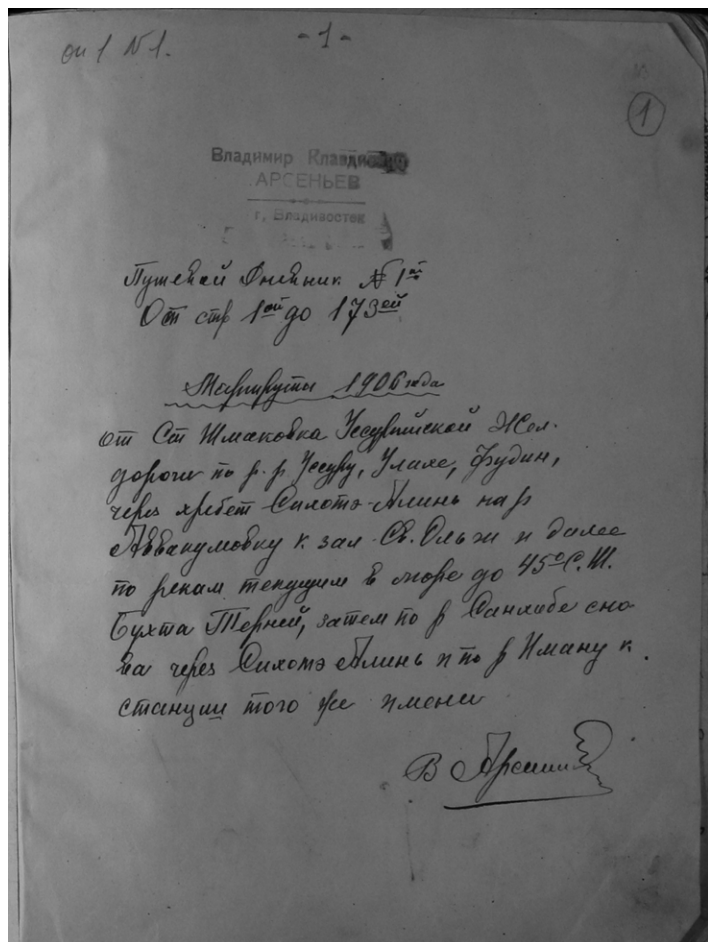
Поздним вечером 20 мая в полевом дневнике появились строки о первом дне путешествия: «Путь до села Успенки лежал по местности почти голой, равнинной и болотистой. После вчерашних дождей дорога была тяжёлая и очень грязная. Колёса глубоко увязали в глине и затрудняли движение. К тому же одна из лошадей плохо шла на пристяжке в двуколке, металась в сторону, сбивала коренника и, только когда её перестегнули на другую сторону, немного успокоилась и несколько обошлась».

...Арсеньев решил с первого же дня отражать в дневнике все моменты путешествия. Он и в дальнейшем свято выполнял это основное правило путешественника: как бы ни устал за день, вечером, перед сном, запиши свои впечатления. Потом будет поздно: новые картины заслоняют старые образы, и восстановить их уже невозможно. Из рассказов участников экспедиций Арсеньева известно о его манере вести наблюдения и полевые записи. По ходу маршрута он останавливался там, где что-то привлекло его внимание, и сразу же делал записи в блокноте. Когда блокнота при нём не оказывалось, он использовал то, что было под рукой: обрывки бумаги или бересту.

Страницы арсеньевского дневника не только фиксировали события дня и отражали впечатления от пройденного пути, но и сообщали информацию, имевшую военное значение. Описывая дорогу, офицер отмечал её проходимость для разного рода оружия, крутизну подъёмов и спусков, качество грунта, наличие болотистых мест и троп через них, состояние в дождливое время года. Он измерял ширину долин, по которым текли реки, быстроту течения, определял тип дна и другие параметры. Придавая большое значение топонимическим сведениям, названия рек на топографических картах Арсеньев писал и по-русски, и по-китайски.

Несколько разделов путевого дневника Арсеньев выделил для сбора сведений о японцах: «Возможные операции японцев в данном районе», «Образование баз», «Вероятные пути наступления для вторжения в глубь страны», «Места, удобные для высадки неприятеля». Особые страницы под названием «Сведения о народонаселении» были посвящены местным жителям. Если с военными вопросами всё было ясно — этому его обучали в военном училище и во время службы в армии, то сбор сведений о населении внушал Арсеньеву некоторую тревогу.

«Я должен выяснить, — думал он, — как поведут себя обитатели Приамурского края, если на этой территории начнётся война. Этому поможет вопросник о настроениях людей в связи с прошедшей войной, их отношении к русским и японцам».

Титульный лист путевого дневника № 1 В. К. Арсеньева, 1906 год. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 1. Д. 1).

Беспокоили его и опросы коренных жителей (тонкости этнографических исследований штабс-капитан знал лишь на любительском уровне). Всему пришлось учиться прямо в пути, опираясь на интуицию и здравый смысл.

«Чифан готова...»

День за днём шли экспедиционные будни. Радость свободного передвижения вдали от начальства и городской суеты позволяла путникам с лёгкостью переносить тяготы пути. Дневниковые записи сообщают о переходах, которые совершал отряд, и распорядке дня. Просыпались обычно рано, когда едва светало. Наскоро завтракали тем, что приготовил очередной дежурный-артельщик, чаще всего кашей да чаем с сухарями, и трогались в путь. Порой дорогу облегчали тропы, оставленные лошадьми, скотом или охотниками, но зачастую приходилось идти по нехоженой местности, продираясь через заросли: «постоянно спотыкаешься, бурелом и валежник преграждают дорогу, прутья царапают лицо, путают ноги, всегда залегаешь в высокую густую траву, камыш или полынь и рад-радешенек, когда доберёшься до тропы, идущей к фанзе».

С трудом давался и переход через болота, которые Арсеньев не любил: «Какой-то особенный характер и вид имеют высокие чахлые кедры и ели, растущие на болоте. Они не остроконечны, а как-то разветвляются на вершине, внизу совершенно сухие, вверху ещё сохранили свою зелёную крону, уже одетую седыми мхами. Ничего нет грустнее, печальнее болотистого места, поросшего лесом, да ещё вдобавок выжженного. Тут уже не видно ни зверей, ни птиц, казалось, всё бежало из этой молчаливой пустыни давным-давно».

В пути Арсеньев занимался съёмкой местности, а его спутники — хорунжий Анофриев и рядовой П. Бочкарёв — собирали для коллекций всё интересное, что попадалось им под руку. Около полудня делали привал. На какой-нибудь поляне или у реки отпускали пастись лошадей и сами обедали. Потом часок отдыхали и вновь трогались в путь. В обжитых местах, облюбованных охотниками или земледельцами, продвигались от одной фанзы до другой. Там можно было отдохнуть, постирать одежду, разобрать имущество, но главное — наестся и пополнить запас провианта.

Запас продовольствия — муку, галеты, крупы, масло, соль, сахар, чай, мясные консервы, гороховый порошок и другое — обычно рассчитывали соразмерно продолжительности похода. Нести с собой всё, особенно при длительной экспедиции, было невозможно, поэтому запас делили на несколько частей и намечали места продовольственных баз, обычно в устьях рек, куда продовольствие забрасывалось попутными судами. Если поблизости жили люди, ящики оставляли у них. На пустынных же берегах их просто скла-

дывали кучей и накрывали от дождя брезентом. Как неприкосновенный запас путешественники брали сухой яичный белок и шоколад, упакованный в особые цинковые коробки.

— Жестяные банки неудобны, — объяснял Арсеньев. — Они легко ломаются, и достаточно тонкой щели, чтобы продукты начали портиться. Зато муку сохранить легко: достаточно мешок с ней два раза окунуть в воду и не вскрывая просушить. Вода проникнет через холст, смешается с мукой и образует слой теста. Эта корка непроницаемая для сырости, да и мешок станет твёрдым и не порвётся в дороге.

Как бы скрупулёзно ни рассчитывал Арсеньев нормы продовольствия, в длительных походах его никогда не хватало. Часть портилась в сыром приморском климате, что-то терялось при переправах через реки. Выручали охота, ловля рыбы да местные жители. Арсеньев записывал в дневнике имена китайцев — хозяев фанз, оказавших гостеприимство. У слепого старика китайца Сяньлаза, страдавшего судорогами, путников ждал только «самый скудный ужин», но и такому были рады «после долгого поста». К тому же получили запас свежих овощей и отдохнули от комаров. Зато хозяин фанзы Июлайза оказался более зажиточным и с утра до вечера кормил путников «как на убой».

— Чифан готова... — каждый раз восклицал он, созывая путешественников на трапезу.

Если путники знали, что к фанзе придётся возвращаться, часть багажа оставляли в ней и дальше продвигались относительно налегке.

Порой рано утром всех будил крик солдата-вестового:

— Всем подъём — начинается дождь!

Плохая погода грозила испортить все планы. При сильном и продолжительном ливне река могла выйти из берегов и сделать переправу через неё невозможной. Поэтому, наскоро закусив сухарём, отряд спешно трогался в путь под крупными каплями, падающими с листьев и веток. «Дождь в лесу — это двойной дождь: не только с неба, но и с деревьев», — отмечал Арсеньев, главной заботой которого было спасти от сырости планшет и фотографический аппарат. Только хвойные породы, ели и кедры, своими огромными лапами создавали некоторую защиту, и он прятался под ними, делая записи и вычисления. Радостью было встретить охотничью фанзу или балаган, где можно было обсохнуть и обогреться.

— Когда идёшь в дальнюю дорогу, — говорил Арсеньев, — то уже не разбираешь погоду. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь... В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, за всё лето недалеко уйдёшь.

Ночные голоса природы

На ночь место для бивака выбирали всегда у воды. Разжигали костёр, варили ужин и грели чай. Арсеньев

никогда не пил сырую воду, только кипячёную. Он и сыну часто говорил:

— Вспомни Пржевальского: какой был силач, а от сырой воды умер.

Пока варилась еда и ставились палатки, Арсеньев успевал вычертить маршрут, а его помощники укладывали растения для гербария, препарировали птиц, нумеровали геологический материал. После крика вестового «Чай готов!» можно было расслабиться у пылающего костра. «Только тот, кто путешествовал, да ещё охотники, — писал Арсеньев, — знает, какое наслаждение доставляет простой сытный, но хорошо приготовленный обед. Как приятно нежиться у костра чаем после целого дня пути. Тут чувствуешь себя дома, забыты прошлые неудачи и пройденный тяжёлый путь, тут смиряешься душой, является желание поговорить, побеседовать с людьми бывальными и опытными. Люди стоят, сидят и лежат тут же около огня, и все сосредоточенно смотрят на яркие языки пламени, разве только иной, отворотившись от дыма, усиленно всматривается в темноту ночи, желая рассмотреть причину шороха или шума. Скоро утомлённые люди начинают понемногу дремать, и весь лагерь погружается в глубокий сон».

Арсеньев любил спать у костра. Свет луны смешивался с отблесками пламени костра и радужными лучами отражался в воде. Путешественник лежал, вслушиваясь в ночные звуки тайги, ласковый шепот деревьев, принимавших в темноте какие-то чудесные формы. Он всегда удивительно хорошо себя чувствовал в такой обстановке среди гор и лесов. Казалось, столетние кедры, шевеля ветками, шепчут о былом и рассказывают фантастические сказки. «Я очень люблю проводить ночи под открытым небом у костра, — писал он в дневнике. — Что-то особенно приятное, торжественное заключается в тишине и темноте ночи, полной тихих ночных звуков. Тишина тайги кажется удивительно торжественной. Невольно смиряешься душой, забываешь обиды и житейские неприятности. В тайге грубеешь, но та же тайга облагораживает душу. В такие минуты одиночества чувствуешь себя счастливым. Одиночество рождает мышление, которое анализирует твои поступки».

На ночь выставляли часового: он подкладывал дрова в костёр и смотрел за лошадьми. Ночную тишину нарушали голоса природы. То деревья на крутом берегу так сильно подмывались водой, что с большим шумом падали в реку. То по сухой траве пробежит мелкий зверёк, и его шорох кажется непривычно громким. Как-то ночью отряд потревожил шум, который произвело крупное животное, бросившееся в реку с противоположного берега. Переплыв её, оно вышло на камни у самого бивака, слышно было, как они потрескивают под его ногами. Зверь обошёл бивак кругом, кони выражали беспокойство, но из-за темноты стрелять было невозможно, и «ночь прошла тихо и благополучно».

«Каким беспомощным чувствует себя человек в темноте, когда всякое маленькое животное является хозяином положения», — писал Арсеньев в дневнике, а выступая с рассказами о таёжных путешествиях, говорил:

— Не верьте охотникам, что они в лесу не боятся зверей. Я боюсь и тигра, и медведя.

Впереди горы

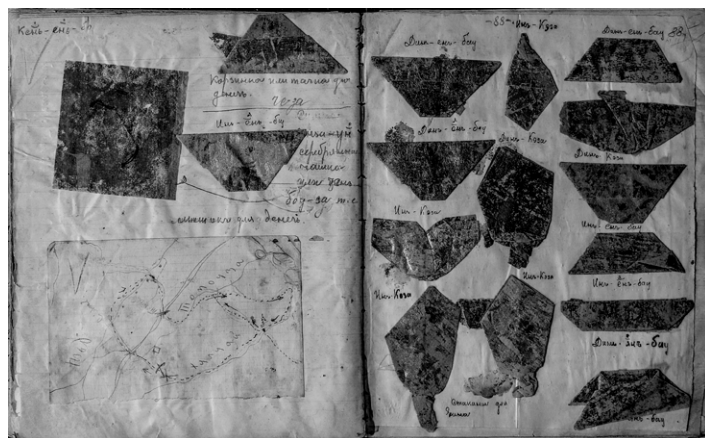
Утром 16 июня Арсеньев скомандовал:

— Оставляем в фанзе-лудеве часть багажа и двигаемся налегке: впереди горы.

Экспедиции предстояло перевалить через хребет Сихотэ-Алинь, но до этого их ждало ещё одно испытание — заболоченные распадки. Ни мостов, ни канав, ни твёрдой дороги не существовало. Чтобы перейти самым через непролазную грязь и перевести коней, стрелки рубили ивняк и бросали его под ноги. Это облегчало путь людям, но лошади оступались и падали. Приходилось их рассёдлывать, снимать мешки и переносить груз самим. Все выбились из сил, пока наконец вышли на твёрдую почву.

Обстановку разрядил заяц, неожиданно выскочивший из-под куста. Стрелки бросились за ним в погоню, а когда настигли, все невзгоды — дожди, болота, усталость — были позабыты. Отряд оживился, и весёлые разговоры о ловле зайца не смолкали до самого вечера.

Время от времени путешественникам встречались фанзы китайцев-земледельцев, окружённые огородами и полями с зерновыми культурами. Завидев чужаков, китайцы бросали работу и долго смотрели вслед отряду. Как понял Арсеньев, появление выючных лошадей и людей с оружием их немало смущало и указывало, что «отряд идёт издалека и далеко». В одних фанзах хозяева проявляли гостеприимство и охотно отвечали на все вопросы, в других, напротив, уклонялись от ответов. Арсеньев пытался разузнать о дороге

Китайские поделки из бумаги 折纸, собранные Арсеньевым во время экспедиции 1906 года в путевом дневнике. Надписи русскими буквами упрощённого китайского языка сделаны Владимиром Клавдиевичем. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 87 (об.) — 88).

к морю, но в ответ получал «всякие небылицы»: его пугали хунзузами, тиграми, медведями и отказывались давать проводника. «То ли, — подумал он, — китайцы скрывают места своих зверовых фанз, то ли имеются другие причины на то, чтобы не пускать отряд дальше».

В отсутствии провожатого Арсеньеву со спутниками пришлось изрядно поблуждать по тайге в поисках пути через горы. Сначала путеводной нитью им служила небольшая тропка, а потом шли буквально наощупь по первобытному лесу, заваленному колодником. То и дело путь преграждали настоящие баррикады из поваленных деревьев. Порой эти преграды достигали четырёх-пяти метров в высоту, и путникам приходилось делать изрядный круг, чтобы обогнуть их.

— В горах, — объяснял Арсеньев, — слой почвы незначительный, поэтому корни дерева не углубляются, а находятся близко к поверхности. Стоят они непрочны, и ветер их легко опрокидывает. Поэтому тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Дерево падает, его корневая система оказывается наверху вместе с землёй и камнями, застрявшими между корней.

День был жарким, дорога давалась трудно, особенно по осыпям, которые обнаружились ближе к вершине, но останавливаться на привал не стали. «Сидеть на солнцепёке тяжелее, чем быть в походе», — решил Арсеньев.

Перевал, через который прошли путники, Арсеньев назвал именем К. И. Максимовича, известного учёного, бывавшего в этих местах.

Встреча в посту Святой Ольги

Через пять дней по долинам небольших речек экспедиция вышла к морю — в пост Святой Ольги. «С тех пор, как военный порт из Ольги был перенесён во Владивосток, — отметил в дневнике Арсеньев, — процветанию этого уголка был положен конец. Пароходы перестали заходить, торговля морской капустой и обмен товарами стали падать, и жители из деревни Новинки (вблизи Ольги. — А. Х.) стали переселяться в другие места. Тем не менее около военного поста стали появляться частные постройки запасных и отставных нижних чинов. В настоящее время Ольга — это не деревня и не село, ибо земли для жителей не нарезано. Поэтому местные жители земли не распаивают, покосами не занимаются, не сеют и не жнут, но все строят дома, хотя бы и в долг, в надежде, что рано или поздно каждый аршин земли будет дорого стоить. Два года войны наложили тяжёлый отпечаток на экономическом благосостоянии этого совершенно отрезанного уголка Уссурийского края: на всё поднялась дороговизна и даже предметов первой необходимости — сахар, соль, керосин и свинец — нельзя было достать ни за какие деньги. Это же

бывает и в настоящее время за отсутствием правильных пароходных сообщений с Владивостоком. Поэтому жители Ольги должны иметь своё хозяйство, ибо без этого жить очень тяжело. Имея в кармане деньги, можно сидеть, не евши несколько суток. Вообще население Ольги в ожидании лучших благ в будущем в настоящее время перебивается с хлеба на квас».

Отметил Арсеньев и аполитичность населения. «Жители поста Св. Ольги, — писал он, — как и все вообще русские люди, к прошедшей войне и к беспорядкам относятся скорее равнодушно и безразлично. Быть может, и есть одна-две беспокойные личности, но не находят поддержки в своих горячих спорах, они, естественно, волей-неволей стушёвываются и их не слышно. Этому способствует обособленное, отдалённое положение самой Ольги, да ещё, вдобавок, изолированность от такого политического центра Дальнего Востока, как Владивосток...»

В Ольге Арсеньев неожиданно столкнулся с владивостокским другом Кириловым.

— Вот уж, не ожидал увидеть вас, Владимир Клавдиевич, в этом заброшенном Богом месте!

— Я-то что, я странник, — обрадовавшись встрече, ответил Арсеньев. — А вот как вы, Николай Васильевич, сюда попали? Помнится, в 1903 году вы отправлялись из Владивостока на Чукотку, а это совсем другая российская окраина.

— Была, была Чукотка, работал там анадырским уездным врачом, но в 1905 году вернулся и поступил в Переселенческое управление — земским врачом в Осиновке Никольск-Уссурийского уезда. Время было беспокойное, и угодил я в политические заключённые. Думаете, за что? Да за статью в местной газете с предложением созвать крестьянский съезд, который был нужен для выборов в Государственную думу. Съезд-то в Никольске-Уссурийском прошёл, да резолюция его, видно, не понравилась кому-то. Вот и попал я на полтора года в тюрьму. Но, знаете, не было бы счастья... В это время в Ольге тиф разбушевался, нужно было срочно спасать людей. Власти хорошо понимали, что только такой чокнутый лекарь, как я, согласится сюда приехать. Меня выпустили, и вот я здесь!

Энтузиаст по натуре, Кирилов и в Ольге нашёл предмет для исследований: занялся раскопками, обнаружив следы древнего поселения, а собранные им предметы культа удэгейцев заинтересовали Петербург и были отправлены в Музей антропологии и этнографии.

— Работаю над чукотскими впечатлениями — там собрал несметное количество информации. Что-то уже опубликовал, а что-то ждёт своей очереди. А ещё хочу обработать данные Ольгинской метеостанции и написать о климате Приморской области.

«Имя — Дерсу, фамилия — Узала»

В этой экспедиции Арсеньев ждала неожиданная встреча, которая в значительной степени придала новый смысл его жизни и работе. 3 августа с восходом солнца все путешественники были на ногах и после завтрака пошли вверх по реке Тадуши (ныне Зеркальная, Кавалеровский район). Они торопились как можно скорее дойти до Ли Фудзина, где оставались вещи, в том числе инструменты. В пути им встретилась китайская фанза, в которой они пообедали: гостеприимные хозяева угостили их пельменями. У другой фанзы, сооружённой рядом с ловушкой-лудёвкой, расположились на ночлег. Вечером, когда все сидели у костра, а Арсеньев по обыкновению делал записи в дневнике, послышался мужской голос.

— Здравствуйте, — сказал кто-то сзади.

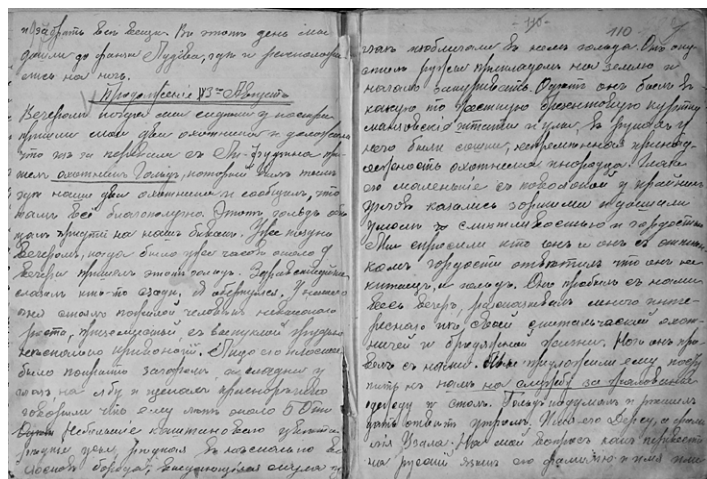
Арсеньев обернулся. У огня стоял пожилой приземистый человек, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. Его плоское лицо было покрыто загаром, а по складкам у глаз, на лбу и щеках путешественник определил его возраст — около 50. Редкие усы каштанового цвета и такая же, в несколько волосков, борода, выдающиеся скулы изобличали в нём гольда. Одет он был в жёсткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы, а в руках держал сошки — неприменную принадлежность инородца. Его маленькие с поволокой глаза казались зоркими и дышали умом, сметливостью и гордостью. Он опустил ружьё прикладом на землю и начал закуривать.

На вопрос, кто он такой, пришелец с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд, живёт в тайге, где и добывает себе пропитание.

— Зовут-то тебя как? — спросил кто-то.

— Имя — Дерсу, фамилия — Узала, — ответил гольд.

— Дерсу Узала? — переспросил Арсеньев. — А как же это перевести на русский язык? Что это означает?

Запись о первой встрече с Дерсу Узала 3 августа 1906 года.
Архив Общества изучения Амурского края
(Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 109 (об.) – 110).

Охотник на минуту задумался, а потом сказал с тем же оттенком гордости:

— Моя думай, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

«Я видел перед собой первобытного охотника, — писал Арсеньев, — который всю свою жизнь прожил в тайге. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьём и предметы своей охоты выменивал у китайцев за табак, свинец и порох, что винтовка ему досталась в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что ему пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты».

Как и любовь, мужская дружба может начаться с первого взгляда. Так случилось и в тот вечер. Разговаривая с охотником-гольдом о жизни, слушая его бесхитростные рассказы о таёжных скитаниях и охоте, Арсеньев всё больше понимал, что не хочет расставаться с этим человеком, что оба они — он, офицер, выросший в городской семье, и бродяга-гольд, едва ли знавший грамоту, связаны чем-то кровным, невидимым, но настолько прочным, что не позволяет им разойтись в разные стороны.

На следующий день Арсеньев сделал в дневнике самую краткую запись: «Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос, согласен ли поступить проводником, изъявил согласие. С этого момента он стал членом экспедиции». И, добавим, героем знаменитой книги. По тому, как подробно летом 1906 года Арсеньев вёл путевой дневник, можно сделать вывод, что путешественник планировал его издать. Позднее он отошёл от этого замысла и предпочёл художественный вариант описания путешествия с Дерсу Узала.

Рассказ о жизни Дерсу Узала

С каждым днём пути Владимир Арсеньев всё больше и больше узнавал нового проводника. Сидя у костра, прищурив щёлки-глаза, с добродушной улыбкой на лице, Дерсу любил вспоминать об этом времени, когда он молодым жил на берегу Бикина с женой и детьми. Он рассказал Арсеньеву о преданной жене: однажды она прошла более двухсот вёрст по тайге, разыскивая его. Через десять дней женщина обнаружила мужа, израненного тигром и совершенно обессиленного от потери крови и голода. Она прожила с ним более месяца в глухом лесу, пока он не оправился и не восстановил силы настолько, что мог дойти до дома. Память о жене Дерсу хранил как святыню и с трогательной грустью описывал её смерть от оспы. Потерял он и старшего сына — смелого охотника, погибшего в схватке с разъярённым медведем.

Оставшись один, без жилья, гольд лето и зиму проводил в тайге, то нанимаясь к кому-то проводником, то добывая пушнину и этим поддерживая своё существование.

— Однако хорошо в лесу, — говорил он. — Ходишь себе, и никто тебя не смотрит. Пойдёшь туда, сюда, стреляй зверя, ставь лучки, капканы, быстро время ходи. Трудно только теперь, — добавлял он, вздохнув, — глаз худой стал, стреляй хорошо не могу.

— Ложись спать, Дерсу, — говорил ему порой Арсеньев, засидевшись до глубокой ночи.

— Э, ничего. Мало-мало посижу, а то тебе скучно будет.

Он вынимал из-за уха пучок табака и закуривал очередную трубку, перебирая в памяти лучшие моменты своей жизни.

Удэ — арсеньевское открытие

Коренные жители края вызывали у Арсеньева особую заинтересованность и доброжелательность. Он писал: «Орочи (в то время так иногда называли удэгейцев. — А. Х.) и тазы более расположены к русским, и понятно — они имеют право на землю, получают её, имеют право носить оружие. Китайцы являются для них конкурентами по ловле соболя, давя их численностью, и потому удаление последних из края будет встречено ими сочувственно. О гольдах же по этому поводу и говорить нечего...

Орочи на Имане прекрасно сознают, что только русские их могут поддержать и что только у русских они могут найти защиту от хищников-китайцев, поэтому прибегают с жалобами на последних ко всякому правительственному чиновнику, случайно или нарочно приехавшему на это место, просят выдать какую-то записку, чтобы китайцы их не обижали, но, к сожалению, их просьбы остаются гласом вопиющего в пустыне. Ороч говорит:

— Моя ходи капитану. Моя боится манза. Моя русского боится нету. Русский помогай орочон.

Очевидно, что отношение орочей к русским самое сердечное, расположение полное, надо только им воспользоваться».

Тогда Арсеньев сделал для себя важное открытие: слова «ороч» и «орочон» придуманы русскими, сами же они называют себя «удэ». В те летние дни 1906 года он решил заняться изучением этого народа, остававшегося неизвестным науке. Страницы его дневника заполнены описанием нравов и обычаев лесных жителей, их жилищ-балаганов, рассказами о многочисленных встречах с ними.

«Орочи [удэге] опия не курят, но любят водку, хотя я видел и таких, которые совершенно не пьют и водки. Орочи очень падки до вычурных вещей, которые они иногда покупают далеко и за большие деньги. Так, в бедном балагане среди груды тряпок и мусора я видел один большой подсвечник, часы с музыкой и т. д. Более зажиточные живут хорошо и имеют деньги. Орочи с недоверием относятся к бумажным деньгам, собирают золото и серебро, берегут его

и стараются не расходовать. В одном месте они не хотели разменять мне 50 руб. на мелкие деньги, хотя серебряных монет у них было чрезвычайно много собрано. Более богатые орочи одеваются лучше, особенно женщины, которые одеваются очень пёстро, костюм украшают множеством блёсток и побрякушек. Бедности и нищеты среди орочей не видно. Из семи балаганов я видел только один балаган старика, где проглядывала бедность и недостаток».

Многое из того, что Арсеньев увидел и узнал об этой народности, он позднее изложил в небольшой работе «Лесные люди — удэгейцы», изданной во Владивостоке в 1926 году. До самой смерти Арсеньев будет обрабатывать материалы, посвящённые удэгейцам, — так много их накопилось. Создание масштабного труда «Страна Удэге» будет навязчивой идеей путешественника в течение многих лет.

Баррикады, в которых человек теряется как ничтожное насекомое

7 августа путь не задался. Не желая лезть в гору, Арсеньев со спутниками решили обойти её низом у реки. Они долго бродили по бурелому и валежнику, нанесённому водой, в поисках тропы, потом искали подходящий брод через реку. «Вода во время разливов шла здесь очень высоко, — записал в дневнике Арсеньев. — Поражает та груда леса, брёвен, валежника и хвороста, которую вода здесь складывала, созидая баррикады, в которых человек теряется как ничтожное насекомое. Растащить этот лес — нет никакой возможности и сил человеческих. Множество протоков, открытых и закрытых со стоячей водой, свидетельствует о том, что водяная стихия страшно здесь свирепствовала, и река, не могущая вместить в свои берега всей воды, бегущей со всех гор, отовсюду, выйдя из берегов, прокладывала себе неоднократно новые русла и протоки».

Арсеньев представил, в какой «бешеный океан» пре-

Неизвестная река, 1906 год.
Фотография В. К. Арсеньева.
Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 4).

вращается эта река во время половодья, как несёт она груды деревьев и бросает их, как лёгкую стружку, на берег, «в какие щепы измолачивает вода целые деревья». «Положительно становилось жутко при мысли быть застигнутым здесь такой непогодой», — сделал он вывод. Ради интереса Арсеньев измерил кедр, лежавший на

Отряд В. К. Арсеньева, 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

камнях в куче стволов: длиной 21 метр 40 см, он имел в поперечнике на высоте груди больше трёх метров, «при этом корни и верхушка его были отломлены, а концы их измочалены в паклю».

— Наша, как выдра, ходи, — в сердцах говорил низкорослый Дерсу, которому больше других доставалось от речной стихии.

С большим трудом отряд дошёл до другого берега, преодолев несколько речных протоков, но он оказался скалистым и чрезвычайно крутым — пришлось возвращаться и искать новую переправу. Огорчила и неудача с крупными форелями, которых увидели в одной глубокой протоке: в них начали стрелять из ружей, но ни в одну не попали. Только в сумерках путники встали биваком у подножья горы на берегу реки — как раз напротив того места, где они блуждали утром, ища брод.

— Обидно за потраченные силы и дорогое время! — с досадой думал Арсеньев.

Утешало лишь то, что по дороге они встретили фанзу, где запаслись картофелем.

Встречи с обитателями тайги

По дороге путникам встречалась масса следов, в том числе и тигриных. «Медведь шёл впереди нас по тропинке, — записал однажды в дневнике Арсеньев, — но испугался, видимо, и пустился убежать». От китайцев он знал, что бассейн Ли Фудзина считался самым богатым зверем местом: всюду и в большом количестве водились тигр, изюбр, кабарга, соболь, кабан и медведь.

Однажды поздно вечером Арсеньев пошёл прогуляться берегом реки. Порой он останавливался и подражал рёву изюбра. Слышит: вдалеке один отозвался. Он повторил призыв. Вдруг слышит: к нему кто-то приближается, ломая кусты. Сердце забило сильнее, путешественник замер и приготовил винтовку для самообороны. Тревога оказалась напрасной: животное оказалось молодой изюбрихой. Стоило Арсеньеву пошевелиться, как она испугалась и бросилась

в чащу. Он хотел было выстрелить вслед, но воздержался. Изюбриха скрылась, а в чистом ночном воздухе ещё долго доносился шум от её прыжков и ломаного кустарника.

— Следы тигров здесь часто попадают даже летом, — рассказывали китайцы. — Нам как-то в течение дня на одной и той же тропе довелось видеть четыре следа разной величины, принадлежащие этим кошкам. Видимо, хищнику понравилось ходить по тропинкам и дорогам.

Местность, как заметил Арсеньев, вполне гармонировала с тигриным нравом. Вековые деревья, окружавшие путешественников, красноречиво свидетельствовали, что здесь исстари была только тайга, сохранившая свою девственность. Высокий лес с молодой порослью, ползучими растениями, колодником и буреломом давал возможность хищнику и незаметно подкрасться к жертве, и быстро скрыться от врага-человека.

У охотников принято за правило перед сном делать один-два выстрела, чтобы отпугнуть зверей, но не всегда это помогало. Однажды отряд разбил на ночь бивак около реки. В темноте тигр, перейдя реку, стал подкрадываться к лошадям. Было слышно, как под тяжестью его мягкой поступи тихонько раздвигались прибрежные камни. «Лошади дрожали и жались к коновязи, выражая крайний испуг, — записал Арсеньев в дневнике. — Хищник долго бродил вокруг лагеря. Ночь прошла вполне благополучно». Возможно, напасть на лошадей хозяину тайги помешал тлеющий костёр.

Дерсу Узала рассказал офицеру, что по представлению гольдов тигр — нечистое животное, родственное дьяволу. Быть растерзанным им считается дурным знаком: душа не попадёт в Буни, то есть рай. Но есть от него и польза: «Душу вора в тайге не разыщет даже самый великий шаман, но вору не миновать когтей тигра».

— Было время, когда тигров в этой тайге обитало не так много, — рассказывали Арсеньеву старые охотники-гольды, — но лет 70–80 тому назад они в большом количестве стали перекочёвывать с запада, из Маньчжурии, и с тех пор встречаются здесь всё чаще и больше. Вероятно, сначала вследствие каких-либо причин перекочевали другие звери, может, кабаны, и это заставило хищника идти за ними к востоку. Раньше встретить кабана считалось удачей, но потом они стали попадаться большими стадами. Зато гораздо меньше стало изюбрей, оленей и медведей...

Последнее Арсеньев связал с появлением скорострельного оружия, заменившего прежний способ охоты с рогатиной-копьем или ножом. Что касается миграции животных, он пришёл к выводу о влиянии человека: освоение долины Сучана переселенцами заставило оленей искать убежище от местных охотников по другую сторону Сихотэ-Алиня, у истоков Уссури.

Как бы процветала природа, если бы человека не было!

Бродя по богатейшей уссурийской тайге, Арсеньев замечал, как уничтожаются её сокровища. По его мнению, наиболее страшным изобретением человека были лудевки или лудевы (от кит. *луде* — «оленья ловушка»), загоны-ловушки для зверей при таёжных охотничьих фанзах. Отряд встречал их одну за другой на своём пути, бывало, по несколько на день. Сам азартный охотник, Арсеньев не раз сетовал:

— Приходится поражаться количеству кож и костей убитых животных в этих лудевах! Китайцы бьют ежедневно местных оленей ради одного оленьего хвоста ценою один рубль и ради жил задних ног зверя ценою 40–50 копеек. Таким образом, зверь, столь ценный во время пантовки, погибает за 1 рубль 50 копеек. Обидно и грустно видеть такой вандализм. В одной из таких лудевых фанз мы нашли до 30–40 пудов жил. Страшно становится при мысли, сколько надо было уничтожить животных, чтобы собрать такое количество жил. Сколько зверей уничтожается без необходимости этими ловушками! Как бы процветала фауна и флора, если бы человека не было. И он ещё осмеливается называть себя царём природы. Нет, он бич земли! Это самый ужасный хищник, беспощадный, свирепый. Чем чаще мне приходится бить разного зверя, тем всё более и более я убеждаюсь, что рано или поздно я брошу этот вид охоты.

Лудева (заграждение для ловли диких животных), 1906 год.
Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения
Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

Днём кусаются так же мучительно, как и ночью

Арсеньев писал в дневнике: «Чуть стало светать, миллионы мошек атаковали бивак. Спать долго утром не пришлось, и как только стало рассветать, мы были уже все на ногах. Быстро завьючив коней, тронулись в путь. В дороге гнус не успевал нас догонять и не так донимал, зато комары днём кусаются так же мучительно, как и ночью. Они с ожесточением бросаются на коней и людей. Производить съёмку при таких условиях очень тяжело».

От комаров и мошкеры путешественники страдали постоянно — «они лезли в рот, попадали в горло, залетали в глаза и уши, нестерпимо кусали потную шею, лицо и руки». После каждого укуса появлялись кровотоочивые ранки, которые долго не заживали. «Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя, это надо перечувствовать», — записал Арсеньев.

С заходом солнца крупная мошка исчезала, но вместо неё появлялись мелкие, почти невидимые глазу насекомые. От них горели все открытые места — уши, лоб, шея. Казалось, что на лице колючая паутина. Единственным спасением на биваке был костёр днём и двойная палатка ночью. В ней было душно, но всё же лучше, чем страдать от надоедливых насекомых. Правда, вездесущая мошкара каким-то образом проникала и в палатку. Если люди как-то могли защищаться от неё, то лошадям приходилось совсем плохо: мошкара разъедала им губы и веки. Бедные животные трясли головами, но прогнать мучителей были не в силах.

Чем ниже спускались с гор, тем насекомых становилось всё больше и больше. Путники радовались полянам: на открытых местах комаров было значительно меньше, а мошкара и вовсе исчезала. Арсеньев восхищался берестяными балаганами, сооружёнными охотниками-китайцами для ночёвок в тайге:

— Как удивительно разумно строят китайцы свои балаганы! Они защищают их и от дождей, и от холодных ветров, и от мошкеры. Очаг сделан посредине. Огонь доходит до крыши и гонит дым вправо и влево через отверстия, отчего никакой гнус не может проникнуть внутрь.

Ещё издали, заметив оголённые стволы кедровников, путешественники невольно начинали глазами искать балаганы. Там всегда можно было найти приют от дождя, сухие дрова, смольё для растопки и сухую траву для подстилки.

Богу сахар ни к чему

Между тем запасы продовольствия подходили к концу. Утром 9 августа солдаты бегали искать раненого кабана, но вернулись с пустыми руками. Подбадривала только надежда

встретить фанзу, где мог ждать хороший обед. И правда, около полудня дошли до небольшой фанзы. Все предметы домашнего обихода были на месте. «Значит, — решили путники, — хозяин ушёл на непродолжительное время, может, на полевые работы». В маленькой кумирне обнаружили чашку с сахаром — около десяти кусочков. Отряд уже давно обходился без сахара, потому неожиданной находке все обрадовались. Дружно решили, что Богу сахар ни к чему и он не будет против того, чтобы уступить его путникам.

Отдохнув, пошли дальше. Большое количество рябчиков подсказало, что близко верховья реки и перевал. Непуганые пернатые легко подпускали к себе, и путники вернулись в фанзу с хорошей добычей. Рябчиков накрошили и сварили вместе с галушками. Отличную трапезу завершили две кружки чая с лимонной кислотой. В 9 вечера все улеглись спать, слушая сказки Дерсу Узала. Арсеньев же зажёл свечу и занялся работой: допоздна делал записи в дневнике и вычерчивал планы.

Умный в гору не пойдёт...

15 августа путешественники остановились на ночлег у самого подножья Сихотэ-Алиня. Арсеньев записал в дневнике: «Ветер шумел по вершинам леса, а внизу было тихо. На горах деревья достигают меньших размеров, так как подвержены влиянию ветров. Зато внизу вы встречаете на каждом шагу удивительно громадных размеров деревья. Перед иным великаном положительно останавливаешься, удивляешься его страшной величине.

Мы хотели осмотреть пещеру в скалах, но попытке нашей не суждено было осуществиться. В этом месте горы имеют вид совершенно голого утёса, скалы выдались вперёд вроде громадных гребней или колоссальных вершин. Странно, почему это одни горы покрыты слоем живой земли, а иные так и остались голым камнем с острыми рёбрами и краями. Достаточно поближе взглянуть на эти камни, чтобы убедиться, что они никогда не были под землёй, а испокон веков уже ласкаются солнцем».

Наутро был сильный туман, но Арсеньев научился приглядываться к погоде и заранее видел, что погода разгуляется. Перейдя Ли Фудзин последний раз, отряд стал подниматься на перевал, высота которого над уровнем моря составляла 510 м. По краям перевала к небу тянулись высокие сопки, и Арсеньев с двумя спутниками пошёл на обследование ближайшей, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Подъём был труден, но путники были вознаграждены видом, расстилающимся под ногами. Они обнаружили себя в центре громадных гор. Над головой с криками носились беспокойные стрижи, разрезая воздух крыльями. Внизу извивалась река, окаймлённая зелёной массой, — деревья сверху казались кучами кустов. По трём направлениям тянулись широкие пади. Самой низкой была седловина,

Отряд В. К. Арсеньева переходит через реку Белембе (ныне река Таёжная), 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

ведущая в Тадушинскую долину: она резко выделялась из общей массы сплошной линии гор.

Любуясь открывшимся видом, Арсеньев срисовал все горные вершины и седловины. Сделал он и несколько снимков. Чтобы оценить высоту горы, он толкнул вниз большой камень и в течение нескольких минут слушал шум, постепенно ослабевающий. На вершине горы приближение осени ощущалось сильнее, чем внизу. Если в долине Арсеньев поражался количеству разных шмелей и пчёл, облепивших цветы, то на перевале трава уже начала сохнуть, а цветы не только отцвели, но и осыпали семена.

Спуск вниз по каменистым осыпям тоже был не из лёгких, но всё же не такой утомительный, как подъём. Через час отряд был в лагере. Все отдыхали, но Арсеньеву не сиделось, и он пошёл на соседнюю гору. Она оказалась не менее крутой, чем предыдущая. Было жарко, мучила жажда, и путешественник пожалел, что не захватил с собой воды. К биваку он спустился уже по темноте. Все уже спали, бодрствовал только дневальный. Он копошился у костра, согревая себе пустой чай: сахар давно закончился. Арсеньев составил ему компанию, а потом достал дневник и принялся описывать увиденное за день.

Арсеньев и религия

Среди записей этого дня был и рассказ о трёх маленьких кумирнях, обнаруженных путниками на самом верху утёса среди глыб.

«Удивительная религия у китайцев, — подумал Арсеньев, разглядывая сооружение, сложенные из камней и украшенное красными ленточками. — Даже здесь, на вершине горы, куда можно забраться лишь с большим трудом, они создают свои кумирни».

Он подумал тогда о Дерсу: все в отряде заметили, что тот не пропускал ни одной кумирни.

— Моя хочет остановка, — обычно говорил он, и командир послушно объявлял привал.

Дерсу откладывал в сторону котомку, опускался на колени и усердно бил поклоны, молясь вслух о счастливом пути.

— Дерсу, зачем ты молишься? — как-то раз спросил его Арсеньев. — Ведь это китайская кумирня и китайский Бог.

— Ничего, капитан, — ответил гольд. — Твой Бог, мой Бог, китайский Бог — всё равно один Бог, три нету.

Арсеньева поразили эти слова. Неграмотный лесной житель так просто разрешил вопрос, над которым европейцы тысячелетиями ведут споры, доходящие до кровопролития. После этого он запретил солдатам забирать сахар и леденцы в кумирнях.

Арсеньев не был религиозным человеком, хотя посещал молебны, на которых присутствовали все офицеры с семьями. Имелась у него и Библия, куда он время от времени заглядывал, подчёркивая интересные места и делая пометы на полях. Как считала жена, отношение путешественника к религии изменилось после одного преступления.

— В Первом Владивостокском крепостном полку, — вспоминала Анна Константиновна, — был священник — невысокий, худенький, редкая тёмная борода, но какой-то неприятный, будто масляный. После общения с ним хотелось вымыть руки. И тут новость: изнасиловал девочку. Его сослали на каторгу. С той поры Володя перестал верить священникам. В своих дневниках и письмах стал писать «бог» с маленькой буквы. Но ходил в церковь, слушал пение и молитвы.

Как-то раз, уже после революции, Воля спросил отца:

— Папа, сейчас никто не молится, а ты зачем ходишь в церковь?

— Подожди, Воля, доживёшь до моих лет, поймёшь.

«Скажи своё имя, и я скажу, кто ты»

Арсеньеву была интересна топонимика: встречая на своём пути множество географических объектов, он не только записывал все названия, но и подмечал, почему китайцы или аборигены называли их так, а не иначе. Он выяснил, что *Тадуши* — это искажённое слово *Та-Дошу*, что означало «большой дуб». От местных жителей он слышал, что в верховьях этой реки действительно когда-то рос громадных размеров дуб, в дупло которого могли усесться для игры в карты четыре человека, а вокруг дуба можно было уложить 24 тюка, какие манзы переносят на своих спинах. Реку *Тетюхе* (ныне Рудная), как он узнал, правильнее называть *Тютюхе*, от китайского слова «Чжю-чжи-хе», то есть «река диких свиней». И в самом деле, в долине этой реки арсеньевскому отряду пришлось помогать китайским крестьянам «чушку гоняй», как называл это занятие Дерсу — отгонять кабанов от огородов, где они грозили уничтожить весь урожай.

Чаще всего названия отражали характерные особенности реки. Так, слово *Тасинза* по-китайски означало «большая

новая река», а *Сяосинза* — «маленькая новая река». Рекам же Ли Фудзин и Вай Фудзин китайцы дали названия, руководствуясь направлением их течения. Если встать на сихотэ-алинском перевале лицом к северу, то первая река будет слева («ли» — левый), а вторая — справа («вай» — правый). *Фудзин* же по-китайски означало «богатая внутренняя река», а *Дананга* или *Дананца* (ныне Дорожная, Кавалеровский район) — «большой южный приток». Полностью оправдывали свои названия «кривая речка» *Вангоу* (ручей в Лазовском или Ольгинском районе), «родниковый ручей» *Чимухэ* и «большая виноградная речка» *Даингоу* (ныне Тучная, правый приток Бикина в Пожарском районе).

Арсеньев подметил, что в Уссурийском крае один и тот же географический объект может иметь разные названия: китайцы называют его по-своему, инородцы имеют своё имя, а русские, придя в эти места, называли совсем по-другому.

— Название «река Улахе», — делился Арсеньев наблюдениями со спутниками, — состоит из трёх слов: русского, маньчжурского и китайского, причём каждое из них означает одно и то же — «река». Поэтому в переводе название получается довольно странным — «река Река-река».

Удивило путешественника и то, что одно и то же название, *Синанце* или *Синанча*, он слышал в разных районах края применительно к совершенно разным рекам. Всё прояснилось, когда он узнал перевод этого слова с китайского языка — «юго-западный приток».

— Совсем не удивительно, — говорил он, — что словом «синанце» называют притоки самых разных рек!

Арсеньев и сам был не прочь дать названия каким-то объектам. Так, реку Иодзыхе (ныне Джигитовка, впадает в залив Рында, Тернейский район) он назвал Козьей рекой из-за обилия на её берегах этих животных. В то же время, обнаружив козьи следы на чрезвычайно крутых, недоступных ногам человека горных тропах, он пришёл к выводу, что горные козлы обитают в скалах и только по ночам спускаются в долины рек для водопоя и пастбища.

Арсеньев заметил, что маньчжурское название «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали на свой лад — «Си-хо-та Линь», что означало «перевал западных больших рек». Путешественник считал, что они абсолютно правы: действительно, к западу от водораздела текли большие реки: Иман, Бикин, Хор... Местные же крестьяне называли Сихотэ-Алинь «Проходным рубцом», что тоже соответствовало действительности. Он отмечал в дневнике, что «лось ходит по хребту, но не переходит восточные склоны Сихотэ-Алиня».

Сравнивая районы, лежащие по разные стороны хребта, Арсеньев говорил:

— Исстари там жили гольды — здесь орочи. На востоке — олень и фазан, на западе их нет совершенно. Зато на

западе хлеба и другие возделываемые растения созревают раньше на две-три недели, чем у моря. На западе больше снега, чем на востоке, где его почти нет. С одной стороны он рыхлый, мягкий, с другой — быстро обледеневает и колется при падении или ударе. На востоке болот меньше, на западе они почти сплошные. На востоке растут орехи, на западе их нет. На западе мошка и комары в изобилии, на востоке их значительно меньше. На востоке зима слабая, лето прохладное, туман с моря, на западе его нет или чрезвычайно мало. На востоке все скалы превратились в россыпи под влиянием сырости моря и ветров; на западе этого нет или очень мало. На западе лес преимущественно хвойный, строевой, на востоке более лиственный, чаще встречаются поляны и открытые места. На востоке много цветов — ирисы, орхидеи и лилии, колокольчиковые и другие. На западе они чахлые и их значительно меньше. Вообще, на востоке растительность богаче, шире и пышнее, а на западе преобладают мхи.

В этом путешествии Арсеньев полюбил горы Сихотэ-Алиня и считал, что они имеют громадное значение для изучения края во всех отношениях: геологическом, этнографическом, зоологическом, метеорологическом, ботаническом. Он сделал множество открытий, путешествуя в летне-осенние дни 1906 года. Именно тогда родился знаменитый путешественник и появились первые строки литературного произведения, которое он назовёт «Дерсу Узала».

Как Арсеньев чуть не убил Дерсу Узала

Ни в одном походе не обходилось без переживаний. То судно потонуло вместе с грузами для экспедиции, и путешественники на пороге осени остались без тёплой одежды. То отряд снабдили влажными сухарями, и они вмиг заплесневели. 18 августа Арсеньев неожиданно узнал, что груз по какому-то недоразумению доставили не в Тетюхе, куда направлялся отряд, а в Терней, а оттуда будто бы его отправили ещё дальше. Эта «страшная новость» ударила как обухом по голове: на пороге осени отряд оставался без тёплой одежды и запасов продовольствия, не говоря уж о препаратах и материалах для гербариев и коллекций. Немедленно, среди ночи, он откомандировал двух стрелков-сорокоходов в Ольгу, чтобы принять меры. Правда, уже на другой день оказалось, что известие было ошибочным, поэтому стрелков задержали и вернули назад.

Беспокойство о пропитании членов экспедиции не оставляло Арсеньева ни на день. Удачей было наткнуться в пути на китайскую фанзу: её хозяин, если его заставляли на месте, обычно угощал путников. Выручала и охота. Вот и 23 августа, когда Арсеньев отправился на гору, чтобы измерить с помощью гипсометров её высоту, он неожиданно наткнулся на кабанов. Выстрелить он не успел, но заметил,

куда побежали животные, и бросился им наперерез. Через несколько минут он догнал кабана: за стволами деревьев хорошо виднелось тёмное пятно. Выбрав момент, когда оно остановилось, Арсеньев выстрелил и в то же мгновение услышал крик.

— Безумный страх овладел мной, — рассказывал путешественник. — Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня, как обухом по голове: на земле лежал Дерсу.

— Дерсу! Дерсу! — бросился к нему Арсеньев. — Как ты? Куда попала пуля, можешь сказать?

Дерсу уперся левой рукой в землю и приподнялся немного на локте.

— Спина больно, — ответил он.

Арсеньев стал спешно снимать с проводника верхнюю одежду, дрожа как в лихорадке. Куртка и нижняя рубашка гольда были разорваны. Раздев Дерсу, путешественник облегчённо вздохнул: раны было не видно, пуля задела кожу на спине, оставив царапину немного больше пятикопеечной монеты, небольшую опухоль от ушиба и физические страдания, которые гольд и не думал скрывать. Когда офицер сообщил ему характер ранения, он сразу успокоился и, заметив волнение Арсеньева, стал его успокаивать.

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя позади был. Как тебя понимай, что моя впереди ходи.

— Как же так случилось, что ты оказался между мной и кабанам?

Выяснилось, что кабанов Дерсу заметил одновременно с Арсеньевым. Прирождённая охотничья страсть в нём тотчас заговорила, и он бросился за животными. Преследуя кабанов, Дерсу скоро обогнал офицера, а цвет его куртки удивительно совпадал с цветом шерсти кабана. Перевязав гольду рану, Арсеньев помог ему подняться, и они вернулись в лагерь. Благо, Владимир Клавдиевич оказался плохим стрелком. В противном случае ему пришлось бы писать другое произведение.

За перочинный ножик получил артефакт

Уже смеркалось, когда путников настигла гроза с проливным дождём. Удары грома, порывы ветра и гул ливня перемешались в едином шуме. По высокой траве, которая перепуталась и закрыла тропу, шли ощупью, отыскивая путь ногами. Уже совсем стемнело, когда вымокшие и озябшие путешественники дошли до фанзы. Китайцы накормили отряд лапшой, и утомлённые, и нравственно, и физически, путники уснули как убитые. Арсеньев же спал плохо: крыша протекла, и он жался от капающей воды, зато утром был вознаграждён: выменял на перочинный нож ржавое старинное копьё, выкопанное китайцем при распашке земли.

С утра ярко светило солнце, и отряду удалось высушить одежду и постели, почистить ружья и инструменты. Закусив китайским хлебом, чумизной кашей и чаем без сахара, тронулись в путь. Солнце уже скрылось за горами, когда путники подошли к очередной фанзе. Китайцы встретили их очень радушно.

— А, капитана, капитана! — радостно восклицали они, хлопая руками по полам халата и кивая головой. — Твоя гость будешь? Заходила мала-мало фанза, моя рада есть. Твоя кушай хочешь? Сейчас, сейчас!

Заметив у одного китайца кровь на ноге, Арсеньев перевязал рану и тем самым окончательно завоевал расположение хозяев. Обильный и сытный ужин, внимание и услужливость китайцев, возможность работать за столом при двух свечах задержали его за работой задолго за полночь.

26 августа путешественники проснулись поздно, когда солнце поднялось уже высоко. Гостеприимный хозяин фанзы Кудунуай пригласил всех позавтракать. После обильной и превосходно приготовленной еды отряд тронулся в путь. Местность оказалась довольно обжитой: то и дело встречались фанзы. В одной немного повздорили с китайцами из-за картофеля, но смогли сторговаться, а в следующей увидели китайца Сун-Чан-Хина, который, как слышал Арсеньев, 60 лет из своих 80 живёт на этом месте. Как рассказывали, раньше здесь было много рабочих, масса машин, пусть примитивных, но ныне всё пришло в запустение, а богатый некогда человек состарился и совершенно обеднел.

Увы, он ничего не смог рассказать Арсеньеву о прошлом этого края, но указал на соседа, старика-ороча, память которого якобы была лучше. Тот оказался дома, и Владимир Клавдиевич перебрался в его фанзу, арестовав по пути китайца, который задолжал Дерсу Узала. Репрессии помогли, и китаец уплатил проводнику часть долга.

Большая семья ороча, состоявшая из нескольких сыновей-охотников и нескольких дочерей с детьми, была очень бедна. Высокий и очень худой старик-ороч с круглым, покрытым рябью лицом с сильно выдающимися скулами выглядел больным и угрюмым. Такими же угрюмыми и молчаливыми были и его взрослые сыновья. Как подумал Арсеньев, это тайга наложила отпечаток на их характер.

— Притесняемые китайцами, добывая средства к жизни с большим трудом, год от году меньше и меньше, они совершенно исчезают с лица земли, — рассказывал Арсеньев спутникам. — Видно, что это другой народ. Что-то особенное есть в выражении лица, выдающее их и отличающее от китайцев. Одежда и домашняя утварь тоже другие.

Старик мало что помнил и за справками обращался то к сыну, то к жене, очень умной, как показалось Арсеньеву, но подозрительной женщине. Лёжа на полу фанзы на шкуре

изюбра, она курила опий и постоянно поправляла то одного, то другого. Сама же она от вопросов Арсеньева отмахивалась. Он заметил, что все женщины были неприветливее и молчаливее своих мужей. Ему пришлось приложить немало труда, чтобы заставить их говорить и сообщить подробности прежней их жизни. Особенно помогло обещание помочь лекарствами больному старику. Сперва женщина отвечала на вопросы с большим нежеланием, но потом увлеклась и заговорила охотнее. Сын взялся ей помогать, и тогда Арсеньев узнал кое-что из жизни и истории орочей. Глава семейства рассказал, что, когда он был ещё маленьким, осёдлых китайцев-манз здесь было мало, но потом они стали появляться всё больше и больше — одновременно с появлением на пароходах первых русских.

Время близилось к полночи, а Арсеньев всё сидел и записывал. Орочи совершенно забыли свой язык и помнили только некоторые слова. Ему удалось записать эти слова, чтобы потом сравнить их с наречием орочей и гольдов из других мест. Наконец, заметив, что хозяева хотят спать, он прекратил работу. Наутро перед уходом Арсеньев хотел сделать несколько снимков, но старуха окончательно воспротивилась и не захотела выходить из фанзы. Всё же он успел украдкой сфотографировать старика и его сыновей, но все женщины попрытались.

Море на горизонте

В конце августа вечера стали прохладнее. Вместе с темнотой падала обильная роса, и гулять по лесу означало вымокнуть до нитки, что мешало Арсеньеву совершать прогулки после дневного перехода. Холодными были и ночи. Ноги Арсеньеву грела его собака Альпа, свернувшаяся под одеялом. Порой она протискивалась к изголовью и согревала хозяина своим дыханием. Утром стали подниматься всё раньше и раньше: предрассветный холод не давал наслаждаться утренним сном. 10 сентября и вовсе проснулись замёрзшие: заиндевели и трава, и земля, замёрзла вода в лужах. Начались заморозки — сигнал к тому, что пора позаботиться о тёплой одежде.

Очень холодной показалась и переправа вброд через реку, но встреченные китайцы сообщили Арсеньеву, что видели неподалёку каких-то русских, и это воодушевило. Значит, рядом часть отряда, с которым раньше разделились, чтобы охватить наблюдениями как можно более обширную территорию. Действительно, сперва отряду открылось море, а потом фанзы, где оказались члены экспедиции.

У солдат, удачно сходявших на охоту, имелось мясо и очень много дикого мёда. Один из них, следуя за пчелой, нашел мёд в изобилии, хотя уже старый, но очень ароматный и вкусный. После сытного обеда и сладкого чая Арсеньев рассортировал имущество, часть его следовало оставить для

отправки в Ольгу. В четыре ящика он упаковал собранные коллекции, книги, которыми дорожил и не хотел бросать, реактивы, инструменты.

Один из стрелков обварил кипятком ногу, и Арсеньеву пришлось отвлечься на перевязку. В экспедиции имелась походная аптечка, содержащая главным образом хирургические инструменты: бритву, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шёлк. Были также шприц, ушной баллон, ванночка для глаз и большое количество перевязочного материала.

Вечером Арсеньев наблюдал, как китайцы ставят больному банки — «способом чисто варварским». После этой процедуры китаец встал разрисованный, как в татуировке. «Он страдал от боли в животе, — записал Арсеньев в дневнике, — и банки на лбу, спине, ногах и руках едва ли могут принести пользу, когда вместо диеты они жрут всё, что попадётся под руку». Сделал он и другую этнографическую зарисовку после того, как был свидетелем ссоры и драки двух китайцев.

Вынужденный привал в начале осени

Первый осенний день оправдал своё название: с утра дул порывистый ветер, то и дело меняя направление. Днём непогода усилилась. Ветер сделался жгучим, небо, сплошь покрытое тучами, приобрело исчерна-серую окраску. Море с бешеным рёвом билось о камни и пенилось. Накануне отряд дошёл до маленькой рыболовной фанзы, где жили два удивительно гостеприимных китайца. Они накормили путешественников отличным ужином.

— Кушай много-много есть! — приговаривали они.

Немало запасов имелось и у путников, а на берегу моря в изобилии рос морской шиповник с крупными, сочными и вкусными плодами.

Вечером разразился большой шторм. Становилось жутко от завываний ветра и сурового шума моря, но это не помешало Арсеньеву работать до полуночи. Он решил отложить путешествие на день-другой. Двигаться дальше ему мешала больная нога: он сильно натёр её и побил о камни. Хотя компрессы уменьшали боль, растравлять рану не хотелось. К тому же следовало начать препарирование птиц: они уже вылиняли и годились для орнитологической коллекции. Незаменимым помощником Арсеньева в этом деле стал солдат Бочкарёв: он с успехом выполнил под руководством учителя ряд пробных работ на маленьких куличках и, как считал Арсеньев, «в этом отношении вполне перещеголял» его.

Дождь не унимался и в следующие дни, но задерживаться дольше отряд не мог. Уложив инструменты, путники распрощались с гостеприимными китайцами и двинулись в путь.

Более грандиозной картины не видел!

5 сентября погода продолжала хмуриться, из-за низких туч сумерки наступили рано, и отряд остановился на ночлег почти в темноте. Дерсу на биваке всегда проявлял удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, рубил жерди, ставил палатку, развешивал на просушку свою и чужую одежду, разжигал огонь. С привычкой, свойственной гольду-охотнику, он быстро снимал кору с дерева и устраивал ложе. Арсеньев удивлялся, как этот уже старый человек мог делать сразу несколько дел, как любая работа в его руках спорилась.

Путру рядом с биваком обнаружили яму и столб. «Неужели рудник?» — подумал Арсеньев. Он знал, что в долине Тетюхе ещё в середине прошлого века китайцы обнаружили серебросвинцовую руду и начали её добычу. Позднее туда добрались и предприниматели из России. Прежде чем двинуться дальше, Арсеньев взял образцы грунта, а «заболевший старательской лихорадкой» Гранатман побежал в горы искать серебро.

Чем ближе продвигался отряд к серебросвинцовому руднику, тем всё более скалистыми становились горы. Вся местность напоминала Арсеньеву сцену Вальпургиевой ночи из «Фауста». Что-то дикое, неприступное и таинственное крылось в скалах, утёсах и горной реке, которая с пеной мчалась по камням в ущелье. Чтобы определить направления Сихотэ-Алиня и начертить схему, Арсеньев отправился к вершине. Путь туда шёл по сплошным россыпям. Пришлось карабкаться по камням, хватаясь за деревья. Давала себя чувствовать больная нога: каждый неверный, неустойчивый шаг отдавался жгучей болью.

Добравшись до верха, он остановился и огляделся. Более грандиозной картины ему ещё не доводилось видеть: вниз уходили страшной высоты отвесные утёсы, от вида на глубокие расщелины и пропасти кружилась голова, а столетние громадные кедры, росшие у подножья горы, казались тоненькими иглами. «Если когда-либо на земле и был ад, — подумал путешественник, — то, вероятно, именно здесь, в верховьях Тетюхе. Нечто страшное, таинственное, грозное, таящее ужас кроется в молчаливом величии гор. Человек чувствует себя здесь пигмеем».

Перед спуском Арсеньев сделал несколько фотоснимков и зарисовал видимую часть Сихотэ-Алиня. Спускаться по камням было ещё труднее, чем подниматься: больная нога мучила на каждом шагу. По пути к биваку встретилось множество мест, разрытых кабанами. «Их тут много, — записал Арсеньев, — у китайцев они положительно съели всю кукурузу. Их нельзя отогнать от пашен ни кострами, ни криками, ни стуком в повешенные железные сковороды, ни лаем собак — они ежедневно посещают пашню и поедают урожай».

Рудник серебряно-свинцовой руды, осмотренный Арсеньевым на следующий день, представлял собой две полуразрушенные фанзы при полном отсутствии рабочих. К местам раскопок — одному большому у подножья горы и другому поменьше, на вершине, — даже тропы хорошей не существовало, не говоря уж о дороге. Впрочем, как подумал Арсеньев, так выглядят все русские рудники, принадлежащие частным предпринимателям.

Шёл дождь, то усиливаясь, то уменьшаясь, и Арсеньев занялся канцелярской работой: вычерчивал планы, писал служебные бумаги, восполнял пропущенные числа в рабочей тетради и дневнике. Под вечер он сходил на осмотр обнажённых пластов на берегу моря, а, вернувшись, сверил свои наблюдения с учебником геологии. Всю ночь ревели изюбры и не давали спать. Рано утром солдаты пошли на охоту, но вернулись с пустыми руками. Изюбров не убили, но «порядком разогнали».

Награда «вне очереди»

В Хабаровске с нетерпением ждали возвращения Арсеньева: каждое утро адъютант докладывал Унтербергеру новости из экспедиции. Наконец настал день, когда путешественник смог обнять друзей. Генерал-губернатор долго беседовал с ним, расспрашивая об увиденном и искренне радовался отличным результатам. В штабе он объявил:

— Штабс-капитан Арсеньев блестяще выполнил возложенную на него задачу и, несмотря на ограниченность средств, чрезвычайные трудности в борьбе с природой в районе дикого горного хребта Сихотэ-Алинь, собрал обширный материал по исследованию края и богатые коллекции местной фауны. За такой выдающийся труд, сопряжённый с огромными лишениями и опасностями и составляющий основательный вклад в науку, за рвение, энергию и фанатическую преданность делу ходатайствую о награждении штабс-капитана Арсеньева «вне очереди» орденом Святого Владимира 4-й степени.

Чиновники в Санкт-Петербурге сочли эту награду чрезмерной. Высочайшим указом от 17 марта 1907 года путешественника наградили орденом Святого Станислава, самым младшим в иерархии российских орденов того времени, правда, не самой низшей 3-й степени, а 2-й.

Экспедиция действительно заслуживала награды. До 1906 года вся территория, по которой пролегали пути арсеньевского отряда, на карте представляла собой «белое поле со змейками-речками». Весьма приблизительно было указано и положение хребтов Сихотэ-Алинь. Исследованной к тому времени была только прибрежная полоса: съёмка её входила в задачи топографов, которые были здесь раньше. На основании съёмок и других измерений, выполненных в ходе экспедиции Арсеньева, он вместе с Мерзляковым составил подробную карту обследованной территории с указанием рельефа местности, обозначением долин рек и горных перевалов, а также всех обнаруженных поселений.

На составление отчётов об экспедиции на Сихотэ-Алинь у Арсеньева ушло три месяца — с января до апреля 1907 года. Многое пришлось переосмыслить и переписать, но результат превзошёл все ожидания. Глядя на толстую стопу бумаг, Арсеньев не верил своим глазам: за несколько месяцев удалось собрать огромное количество важных сведений. Прежде всего они были важны для обороны края.

7 апреля 1907 года штабс-капитан Арсеньев с блеском выступил в Приамурском отделе Императорского Русского географического общества с докладом о результатах экспедиции. Члены общества, затаив дыхание, слушали его рассказ о приключениях в уссурийской тайге, а потом задали множество вопросов.

После доклада к Арсеньеву подошёл генерал-губернатор Унтербергер:

— Замечательный рассказ, спасибо. Надеюсь, что после новой экспедиции тоже будет что рассказать.

— А что, уже пора собираться? — только и спросил Арсеньев.

Вскоре утвердили план следующей экспедиции, включавший в себя те же задания, что были в путешествии 1906 года: в первую очередь военно-географические, а заодно и научные, необходимые для колонизационного освоения территории.

Редакция благодарит Общество изучения Амурского края за предоставленные фотографии.

Материал поступил в редакцию 01.07.2022.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.